

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ: ПОНИМАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ДИСТАНЦИИ

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет»
(г. Тверь)

Поднимается проблема текста как хранителя культурной памяти. На примере творчества В.О. Ключевского автор иллюстрирует возможные пути сближения современности и древности через понимание культурной дистанции. Показывается, как русский историк-позитивист пытается проникнуть в структуру мысли коллективного автора древнерусских летописей, не жертвуя при этом ее своеобразием. Акцентируется внимание на том, что древний текст – это не просто «литературный памятник» жизни людей прошлого, а актуальное выражение их идеалов и настроений.

***Ключевые слова:** текст, интерпретатор текста, объяснение, понимание, культурная дистанция, позитивизм, герменевтика, летопись.*

Культурная дистанция – расстояние между прошлым и настоящим, между текстом и его интерпретатором. Трудность понимания культурной дистанции заключается в несовпадении ментальности интерпретатора с текстом. Текст – знаково-символическая система, позволяющая раскрыть смысл той или иной эпохи. Любой текст (будь то хронограф, летопись, литературное произведение, даже официальная документация) возникает в силовом поле культуры как целого и с большей или меньшей полнотой отражает в себе характерные для этой целостности черты. Своими исследованиями С.С. Аверинцев, М.М. Бахтин, А.Я. Гуревич, Ю.М. Лотман демонстрируют нам, как возможно сохранять традицию вдумчивого, тонкого отношения к тексту. Актуальность такого усиливается сегодня потому, что современное «сетевое» общество, при всех его очевидных достоинствах усиливающейся коммуникации, постепенно превращает человека «читающего» в человека «кликающего», т.е. ищущего информацию не в текстах с последовательным и обоснованным изложением мысли (учебники, монографии, статьи, каталоги), а в мозаичном пространстве «свободной» информации.

Ю.М. Лотман говорит о трех функциях текста - творческой, информационно-семиотической и функции памяти. Хотелось бы остановиться на значении последней, где текст – это не только генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти, и иллюстрация культурной дистанции. Текст обладает способностью сохранять память

о своих предшествующих контекстах. Без этого историческая наука была бы невозможна, так как культура предшествующих эпох доходит до нас неизбежно во фрагментах. Если бы текст оставался в сознании воспринимающего только самим собой, то прошлое представлялось бы для него мозаикой несвязанных отрывков. Но для воспринимающего текст – это всегда реконструкция целостного значения, дискретный знак недискретной сущности. Сумма контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность и которые определенным образом как бы инкорпорированы в нем, может быть названа «памятью текста». Создаваемое текстом вокруг себя смысловое пространство вступает в определенные соотношения с культурной памятью (традицией), отложившейся в сознании читателя. В результате текст вновь обретает семиотическую жизнь. И в задачу интерпретатора входит преодоление культурной дистанции, т. е. расстояния между минувшей культурной эпохой и современностью. Как это можно сделать? Видимо, через правильное прочтение текстов.

Если бы тексты не имели своей памяти и не могли бы создавать вокруг себя определенной семантической ауры, все эти вторжения так и оставались бы музейными раритетами, находящимися вне основного культурного процесса. На самом деле они оказываются важными факторами, провоцирующими динамику культуры. Связано это с тем, что текст, подобно зерну, содержащему в себе программу будущего развития, не является застывшей и неизменно равной самой себе данностью. Внутренняя «не-до-конца-определенность» его структуры создает под влиянием контактов с новыми контекстами резерв для его динамики. Казалось бы, что текст, проходя через века, должен стираться, терять содержащуюся в нем информацию. Однако в тех случаях, когда мы имеем дело с текстами, сохраняющими культурную активность, они обнаруживают способность накапливать информацию, т. е. способность памяти. Ныне «Гамлет» [дополнительное «спасибо» кинофильму «Аноним». - Е.М.] – это не только текст Шекспира, но и память обо всех интерпретациях этого произведения, и, более того, память о тех вне текста находящихся исторических событиях, с которыми текст Шекспира может вызывать ассоциации. Мы можем забыть то, что знал Шекспир и его зрители, но мы не можем забыть то, что мы узнали после них. Именно это придает тексту новые смыслы [2, с. 12].

Сфера использования техник реконструкции текста имеет давнюю традицию и весьма обширна. Общая исследовательская позиция в этом вопросе сложилась довольно устойчиво: сначала дается документ, а затем уже реконструируется его язык. Такой порядок вполне обычен, когда мы получаем в руки обломок далекой от нас культуры. Начало реконструкции текста в определенном смысле можно связать с философией позитивизма. Представители позитивизма, вслед за своим родоначальником О. Контom, стояли на позиции согласования наблюдаемых

фактов. Объектом их изучения выступила область явлений как единственно доступная сознанию человека. Исходя из этого, цель научного исследования заключалась в поиске соотношения фактов во времени и пространстве и далее - в выявлении их закономерностей.

Последующая за позитивизмом герменевтическая стратегия была нацелена на преодоление тотальности объективного научного знания. Характерной чертой философской герменевтики стало то, что она увидела процесс понимания как бесконечный. Это нашло свое воплощение в принципе «герменевтического круга», разработанного в свое время Ф. Шлейермахером. Герменевтический круг удобнее рассматривать как метафору, описывающую продуктивное движение мысли исследователя в рамках техник герменевтической реконструкции истинного смысла текста. Целью работы герменевта является вживание во внутренний мир автора, «превращение себя в другого». Это означает, что через процедуры содержательной и грамматической фиксации текста можно создать условие эмпатии – вчувствования в субъективность автора и воспроизведения его творческой мысли [1, с. 237].

В. Дильтей перенес герменевтику на историческую науку. Человек погружен в историю и находится в ней в качестве «понимающего», как обусловленное и конечное звено постоянно наращиваемой цепи. В. Дильтей мыслил исследование текста как «расшифровку», а не как исторический опыт. М. Хайдеггер, вслед за В. Дильтеем, сделал понимание не столько инструментом, сколько структурой, конституирующей «Dasein», внутренне онтологическим измерением человеческого бытия. Исследователь перерастает сам себя, разматывая клубок опытных возможностей. Каждый новый виток – приобретение опыта, рождающегося на основе предыдущего опыта и в процессе его осмысления. Такой подход к осмыслению проблемы оригинален тем, что рассматривает понимание (себя) как характеристику бытия, без которой оно скатывается в позицию неопределенности. Такое понимание служит основой всякого последующего истолкования: и того, что есть «здесь-и-теперь», и того, что является возможным.

Согласно воззрениям Г. Гадамера, бытие само себя понимает через конкретных людей и события. В работе «Истина и метод» автор обосновывает главную цель герменевта – наиболее полно выявить механизмы формирования своего опыта (предрассудки), которыми наделяет его традиция. Выявление происходит через практику работы с текстами, через соотнесение их содержания с опытом «современности». Это – «разговор», посредством которого рождается новый смысл – этап жизни традиции и самого текста. Сознание интерпретатора – «*tabula rasa*» - переполнено предрассудками, ожиданиями, идеями. Сначала он открывает то, о чем говорит текст, затем приходит к осознанию «культурной дистанции», к несовпадению собственной ментальности с текстом. Слушать и слышать текст – вот задача герменевта. Понимание,

реализованное методологически последовательно, должно быть свободно от антиципаций и предрассудков. Только в этом случае можно услышать изначальный текст и его тональность [там же, с. 136]. Интерпретатор абсолютно одновременен со своим автором. Смысл текста похож на «горизонт», который не является застывшей границей, а, наоборот, передвигается вместе с исследователем и приглашает к дальнейшему продвижению вперед [там же, с. 291].

Предлагая герменевтику в качестве метода истолкования, а стало быть, и метода исторических наук, П. Рикёр уделил большое внимание проблеме времени и его роли в интерпретации. Интерпретация - это место сцепления двух времен - прошлого и настоящего. С одной стороны, интерпретация включает в себя традицию: мы интерпретируем не вообще, а делаем это для того, чтобы прояснить, продолжить и таким образом жизненно утвердить традицию, какой мы принадлежим. С другой стороны, интерпретация сама совершается во времени, в настоящем, отличном от времени традиции; и то и другое время принадлежат друг другу, они взаимосвязаны. Чтобы понять эту диалектику времен, необходимо, по П. Рикёру, обратиться к третьему, глубинному, времени, обеспечивающему богатство смысла и делающему возможным взаимное обогащение двух других времен. Для П. Рикёра - это время самого смысла, имеющее отношение к семантической конструкции символа [5, с. 13].

Обратимся к примеру прочтения текстов русских летописей позитивистски настроенным историком В.О. Ключевским. Довольно сложно ответить на вопрос, на каком отрезке пути остановились русские позитивисты в своем понимании истории. На первый взгляд ответ выглядит тривиальным: представители позитивизма ограничились методом объяснения, широко используя возможности методологии многофакторного анализа. Однако погружение в тексты В.О. Ключевского делает ответ на этот вопрос куда более многомерным. В.О. Ключевский и его ученики осуществили громадный прирост конкретного знания. Однако со временем знаменитому историку стало понятно, что громадные эмпирические построения без теоретических обобщений теряют какой бы то ни было смысл. Особенно остро он ощутил это в процессе изучения древних летописей.

Среди причин, которые затрудняют понимание древних текстов, В.О. Ключевский особо выделил две: первая причина - неумение исследователей «достаточно правильно» прочитать рукописи, что ведет к их дальнейшему искажению в позднейших списках и изданиях; это касается и «древних книгописцев» и так называемых «новейших ученых»; вторая причина - динамичность лексики («игра синонимии», в терминологии самого В.О. Ключевского), выраженная в утрате лексического запаса народной речи и быстром «приливе» массы чужих понятий [3, с. 10–11]. Второй причине В.О. Ключевский уделяет особое внимание. Он говорит, что современный ему литературный язык образовался до-

вольно искусственно. Писатели и литературные школы находились под влиянием двух языков – книжного церковнославянского и разговорного русского. К сожалению историка, глубокий лексический запас народной речи был во многом утрачен. Освоившись со многими терминами южнославянского болгарского языка, книжная речь постепенно «забыла» значения соответствующих слов чисто русского происхождения.

Изучение древних текстов, по мнению В.О. Ключевского, требует особых приемов, т. к. летописи в большинстве случаев – это памятники не личного, а коллективного творчества. У летописца, как известно, свой определенный взгляд на события, которыми драматизируется рассказ. Понимание собственно летописного рассказа затрудняется разнообразными условиями. Прежде всего, речь идет о проблемах способа объединения местных летописей в общую редакцию, когда за основание берется целиком только одна, а остальные включаются фрагментарно по усмотрению средневекового редактора. Кроме того, летописцы придерживались разного летоисчисления («мартовский год», «сентябрьский год»). Отсюда вытекает известная непоследовательность хронологических дат. Таким образом, для критической обработки древних летописей следует учитывать редакционную технику древних летописных «сводчиков». В силу этого критическая обработка исторического текста летописных сводов должна преследовать, по мнению В.О. Ключевского, как минимум, три задачи: во-первых, выяснить источник летописи (первичная ли летопись или это свод летописей); во-вторых, восстановить хронологическую связь событий, перепутанную в связи с указанными редакторскими приемами древних «сводчиков»; в-третьих, найти в правильной хронологической последовательности внутреннюю связь их событий, т. е. постичь исторический смысл источника в хронологическом порядке [3, с. 16].

Материал, который был под рукой у «древнего русского грамотея», по выражению В.О. Ключевского, носит двойной характер: документальный и художественный. Первый вариант – это торговые договоры с греками, второй – исторические эпосы, акцентирующие внимание на борьбе с Византией. Древнейший слой исторического эпоса оставил явные следы в Начальном летописном своде и уцелел, трансформировавшись в поэтическом былинном своде. Но у русского книжника первой половины XI в. перед глазами уже был текст, главным предметом которого была борьба с кочевниками. Поэтому, резюмирует В.О. Ключевский, мы знаем этот эпос так, как он «сохранился в народной памяти» [4, с. 78].

Примером предвзятого прочтения летописей для В.О. Ключевского служит так называемая «норманнская теория», приписывающая норманнам – скандинавским викингам (варягам) создание древнерусского государства. Как известно, ее авторы немецкие историографы Байер, Миллер и Шлецер, приглашенные в свое время Пет-

ром I для создания Российской академии наук, сформулировали версию норманнского (германского) происхождения русского государства и придерживались идеи о неспособности славянства к собственному государственному творчеству. В противовес этому появилась «славянская теория» происхождения Древнерусского государства (Иловайский, Погодин и др.). Как позитивист, базирующийся в своих исследовательских приемах на методологии многофакторного анализа, В.О. Ключевский, по его собственным словам, «был равнодушен» и к той, и к другой теории как к образцам одномерности исследования. Историк считал необходимым решиться на двойное преодоление: понять менталитет средневековых редакторов и искоренить «почтенное ученичество» в отношении немецких историографов [там же, с. 144]. Роль академиков-иностранцев, по его мнению, сводится к тому, что они были призваны «гастролировать своими знаниями», впервые разрабатывая «нетронутую» русскую историю. Исследовательскими ошибками немецких историков, по мнению В.О. Ключевского, стали: во-первых, использование скандинавских, латинских и византийских источников на фоне игнорирования текстов «Начальной русской летописи»; во-вторых, полное непонимание характера текстов летописей – народное ли это предание, поэтическая сага или известие какого-либо другого рода [там же, с. 145].

Интерпретатор текста любой эпохи всегда находится в рамках своих социокультурных ожиданий и пристрастий. Средневековые книжники пребывали под тяжестью властного княжеского авторитета и работали в условиях, когда в принципе еще отсутствовала техника изучения текстов. Немецкие историки, волею Петра I начавшие изучать русскую древность, оказались в плену своих собственных исследовательских и политических пристрастий. Понимая все эти обстоятельства, В.О. Ключевский предлагал своим современникам следовать полилогической ориентации в практике прочтения и понимания древних текстов. Сначала интерпретатор должен объяснить, т. е. указать источник летописи, восстановить хронологическую связь событий, перепутанную благодаря редакционным приемам древних сводчиков летописей. Далее он должен решать более сложную задачу – задачу понимания исторического смысла текста [3, с. 16].

Такой синтез «объяснения» и «понимания» сам В.О. Ключевский называл «исторической критикой летописей». Тем не менее своими рассуждениями он, по сути, предвосхитил будущую герменевтическую установку о том, что, если хочешь понять текст, ты должен быть готов как исследователь «раствориться в нем» [1, с. 291].

Список литературы

1. Гадамер Х.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.

2. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Семиосфера. СПб., 2000.
3. Ключевский В.О. Источниковедение. Источники русской истории // Соч.: в 9 т. М., 1989. Т.7. С. 5–83.
4. Ключевский В.О. Историография. Наброски по варяжскому вопросу // Соч.: в 9 т. М., 1989. Т.7. С. 142–148.
5. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике / пер. И.С. Вдовиной. М., 2002.

VASILY KLUCHEVSKY: UNDERSTANDING OF THE CULTURAL DISTANCE

E.E. Mihaylova

Tver State Technical University, Tver

The article is focused on the problem of the text as a reservoir of cultural memory preservation. On the example of V. O. Kluchevsky's heritage, the author reveals the possible ways of bridging the gap between the present and the past through the cultural distance understanding. The Russian historian, who shared a positivist philosophical platform, attempted to penetrate into the mind structure of old Russian chronicles' collective author with no sacrifice of its specific character. It is emphasized that the ancient text is not simply a piece of the "literature heritage" portraying people's life of the past, but also the expression of their ideals and persuasions.

Key words: *text, text interpreter, explanation, understanding, cultural distance, positivism, hermeneutics, chronicle.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет», e-mail: mihaylova_helen@mail.ru